

INSPIRIA

ДЖОРДАН СТЕФАНИ ГРЕЙ

18+

УКУШЕННАЯ

INSPIRIA

Inspiria Ромэнтэзи. Королева стаи

Джордан Стефани Грей

Укушенная

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Грей Д.

Укушенная / Д. Грей — «Эксмо», 2025 — (Inspiria Ромэнтэзи. Королева стаи)

ISBN 978-5-04-255718-7

«Дом земли и крови» встречается с «Сумерками» в этом ромэнтэзи про оборотней, ставшем хитом Буктока. Бестселлер The New York Times, Indie и USA Today. Красивый двор. Жестокие правила. Принц, которому нельзя доверять. В ночь своего семнадцатилетия Ванесса Харт лишилась всего, что было ей дорого. Оборотень убил ее подругу Селесту, а саму девушку укусили и забрали в плен. Похитители поставили ее перед выбором: присягнуть двору Королевы Волков или умереть. Не видя иного выхода, Ванесса отправляется в замок оборотней и приносит клятву верности королеве. Однако за внешней покорностью скрывается все более сильное желание отомстить. Тайно разыскивая убийцу Селесты, девушка знакомится с прекрасным принцем Синклером, который способен покорить ее сердце, и его мрачным, загадочным и опасно притягательным кузеном Каликсом, явно хранящим некую тайну. Погружаясь в чарующий и жестокий мир оборотней, Ванесса начинает понимать: за его внешним великолепием скрывается нечто совсем иное. Двор охвачен войной, и, возможно, она всего лишь пешка в смертельной игре. «Восхитительно мрачный и дико соблазнительный роман. Дебют Джордан Грей хочется жадно проглотить целиком. Но будьте осторожны — эта книга способна укусить в ответ!» — СТЕФАНИ ГАРБЕР, автор бестселлера № 1 New York Times, трилогии «Однажды разбитое сердце» «Волшебная и головокружительная история... "Укушенная" завораживает с первой же страницы. В книге есть все, что я люблю: героиня, ради которой я бы переступила через страх, мир, искрящийся магией, и обжигающая страсть. Эта книга вонзится в вас свои клыки — и не отпустит, пока вы не перевернете последнюю страницу». — РЕБЕККА РОСС, автор бестселлера № 1 по версии New York Times «Божественные соперники» «Удивительно яркая история о беспощадной политике и опасной любви, утопающая в ностальгических образах культовых молодежных книг про сверхъестественное. Хитроумные

интриги, тонкий юмор, атмосфера напряженного ожидания и настоящая глубина чувств. "Укушенная" — будущий хит и новая классика!» — АВА РАЙД, автор бестселлера № 1 по версии New York Times «Этюд багровых вод» «Мрачный и страстный роман. Джордан Грей придумала новую Вселенную — жестокую, но завораживающую. Харизматичные герои, саркастичные диалоги, смертельные тайны. Грандиозное начало новой серии, от которой невозможно оторваться!» — ШЕЛБИ МАХЕРИН, автор бестселлера New York Times, трилогии «Змей и Голубка» «История о темной магии и запретной любви. "Укушенная" — идеальное чтение для тех, кто ценит остроумные диалоги, обжигающую страсть и мрачных героев, от которых мурашки по коже». — ИЗАБЕЛЬ ИБАНЬЕЗ, автор бестселлера № 1 по версии New York Times, дилогии «Тайны Нила»

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-255718-7

© Грей Д., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Иерархия семи великих домов оборотней	8
Пролог	9
I. Проклятие луны	12
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	33
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Джордан Стефани Грей

Укушенная

Original. This edition published by arrangement with Little, Brown Books for Young Readers, a division of Hachette Book Group, Inc., New York, NY, USA. All rights reserved

Cover art copyright © 2025 by Katt Phatt.

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Antonov Maxim, AtviXa, IJ-studio, PGMart / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

В коллаже на обложке использована иллюстрация:

© Joygul / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

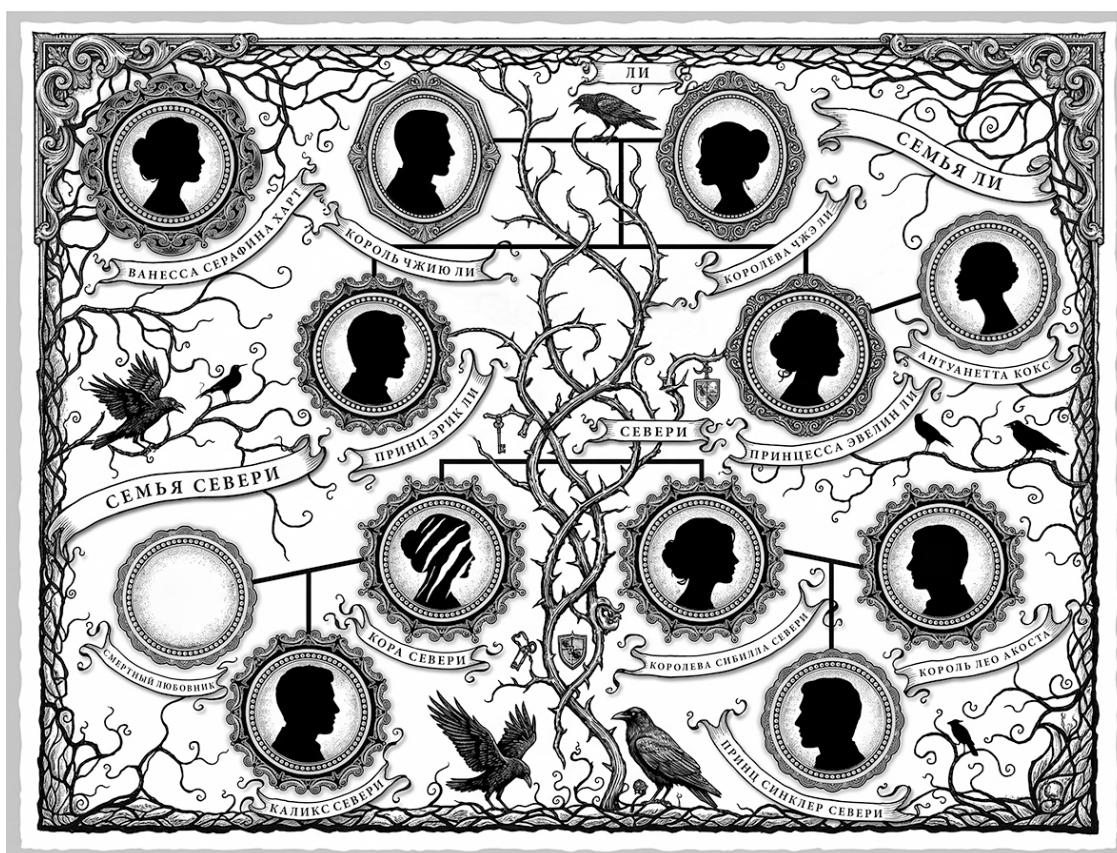
© Цыганкова А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Лондону:
Моя любовь к тебе бесконечна.

Иерархия семи великих домов оборотней

ПРАВИТЕЛЬ (КОРОЛЬ И/ИЛИ КОРОЛЕВА)

Господствует над целым континентом и всеми его жителями.

ГЕРЦОГИ И ГЕРЦОГИНИ

Правят какой-то одной страной или территорией и подчиняются непосредственно королю и/или королеве.

ГРАФЫ И ГРАФИНИ

Управляют одним штатом, провинцией или регионом и подчиняются герцогу и/или герцогине, которые правят той административной единицей, к которой относятся земли графов и графинь.

БАРОНЫ И БАРОНЕССЫ

Стоят во главе города, округа, района или губернии и подчиняются графам и графиням, владеющим соответствующими территориями.

СТАИ, КОТОРЫЕ ПРИНАДЛЕЖАТ К ОДНОМУ ИЗ ДОМОВ, НО НЕ СОСТОЯТ ПРИ ДВОРЕ ПРАВИТЕЛЕЙ

Все стаи подчиняются власти баронов и/или баронесс, на чьих территориях обитают.

Пролог

Законов у оборотней не много, но каждый из Семи великих домов обязан им беспрекословно подчиняться.

Не показывать людям, что можешь быть волком.
Не выдавать секретов стаи посторонним.
Не кусать людей без личного разрешения правителя.
Ни при каких обстоятельствах не убивать других оборотней.

Нарушение этих правил не карается ни тюрьмой, ни телесными наказаниями. Подземелье под замком Севери не просто так веками пустовало. Если оборотень нарушает закон, его ждет смерть.

Разумеется, смерть не неизбежна, но обжигающая боль одиночества – неотвратима.

Волки-одиночки не выживают без своей стаи. Волки-одиночки постепенно, мучительно лишаются жизненных сил и разума – так, как люди теряют из-за обморожения конечности, одну за другой.

Королева Сибилла Севери отлично это знала. И именно поэтому, застав свою сестру Кору в постели с обычным человеком, смертным, королева ни на секунду не засомневалась, прежде чем схватить сестру за волосы и бросить ее к ногам мрачных судий. Ее любовник ждал своей участи в крыле самого неприступного из замков: полуодетый, дрожащий, жалкий. На его груди осталась отметка от укуса волка, а страдальческий вид выдавал, что его охватила лихорадка.

– Предательница, – прорычала королева Сибилла. И одного этого слова судьям было достаточно, чтобы вынести Коре приговор.

Кора трансформировалась, приняв облик лунно-белой волчицы с мерцающими красными глазами, и набросилась на придворных королев, оскалив клыки и брызгая слюной. Три первых закона она нарушила ранее, а четвертый – прямо там. В тот самый момент. Она разорвала горло Лорд-Маршалу королев и выплюнула окровавленную плоть прямо на безупречно чистый мраморный пол. Некоторые придворные отступили назад. Склонили головы вместо того, чтобы ринуться в схватку. Другие же сражались еще отчаяннее. Стены окрасились алыми всплесками – от их крови. Кора, казалось, была близка к победе, пока королева Сибилла не свела на нет все ее усилия, заявив:

– С этого момента – и навсегда – приказываю тебе удалиться от двора и изгоняю из стаи.

Разрыв последовал незамедлительно, будто невидимые руки развели сестер в стороны и отбросили их к противоположным стенам зала. Глаза Королевы волков потемнели от гнева, когда ее сестра с пронзительным воем рухнула на пол.

– Ты должна немедленно и навсегда покинуть замок Севери и никогда впредь не ступать на наши священные земли. – Королева Сибилла подошла к сестре, оставляя на полу алые следы. – Ты изгнана, Кора Севери, а если твой человек обратится, его ждет смерть.

Кора превратилась из волчицы в женщину, ее ломающиеся кости издали тошнотворный хруст. Она лежала на полу в луже чужой крови, и ее тело сияло, как падающая звезда на ночном небосклоне.

– Ты не можешь так поступить, – сердито прошептала она. – Если он обратится...

– Для короны он предатель, а значит, должен будет стать волком-одиночкой. Так же, как и ты.

– Но... но... – пыталась найти слова Кора, а ее красные глаза тем временем тускнели, приобретая горький янтарный оттенок.

– Нам больше не о чем разговаривать.

Королева Сибилла схватила сестру за руку и потащила прочь из тронного зала, подальше от замка – к дремучему лесу, где она обречена скитаться, пока ее душа не обратится в прах и пепел. Пока она сама не станет прахом и пеплом.

Но Кора не сдавалась так просто. Она задала вопрос так же решительно и уверенно, как говорила обычно:

– А как же мой ребенок?

Придворные один за другим сменили облик. За одно мучительное мгновение боли превратились из волков в людей. Королева волков в ярости смотрела прямо перед собой, игнорируя вздохи окружающих. Столько вздохов из-за одного-единственного ребенка. И ни одного из-за тех знатных особ, чьи тела лежали у ее ног.

– Ты изгнана, – повторила королева Сибилла, выпустив из пальцев когти так же легко, как вонзила бы кинжал в мертвое тело. – Предательница.

Ее сестра села и выпрямила спину. Ее глаза презрительно сузились:

– В наших законах нет ни слова о сыновьях предателей.

Королева склонилась к Коре, подцепив ее подбородок острым когтем. Пустила ей кровь. Кора даже не поморщилась.

– Чего ты хочешь от меня?

– Разреши ему родиться.

– Ты умрешь раньше.

– Ты же знаешь, что нет, – резко бросила Кора. В ее глазах появился злобный блеск. – Он родится. И я принесу его ко входу в замок. Ты должна принять его.

В рядах придворных поднялся шепот, но стоило королеве Сибилле метнуть в их сторону взгляд, как все тут же умолкло. Ее коготь впился еще глубже в плоть сестры.

– Я – королева. Я ничего не *должна* делать.

– Прими его, и я уйду без сопротивления. – Ее сестра резко вздохнула. – Прими его, и я сама избавлюсь от своего любовника.

– Сейчас? – уточнила королева волков.

– Сейчас.

Королева Сибилла выпрямилась. Обвела взглядом оставшихся придворных. Их было по-прежнему много, а сил у них даже прибавилось. Она не беспокоилась, что этот ребенок когда-нибудь в будущем станет предателем – особенно если Оракул сможет предсказать его судьбу, когда тот родится, и сочтет его достойным – но сильно переживала о безопасности собственного ребенка.

Ее мальчик родился две недели назад, болезненный и крошечный. Придворные сомневались, что он сможет стать главой клана, хотя за это время он и стал куда крупнее, чем обычный новорожденный. Когда-нибудь он станет сильным. Оракул предсказал это ее сыну. Ему просто нужно время. Нужно пройти до конца путь превращения в волка, тогда он станет тем наследным принцем, каким ему суждено быть. Она это точно знала.

Королева волков приняла решение – под пристальными взглядами тех, кому она больше всего доверяла, и тех, в ком больше всего сомневалась, – призвать силы созвездия Кассиопеи и заключить нерушимую сделку на крови.

– Если ты убьешь своего любовника сегодня и родишь ребенка у ворот замка, я воспитаю твоего сына как своего собственного. Но этот ребенок, твоя кровь, будет защищать моего наследника настолько, насколько хватит сил, и если умрет мой сын, умрет и твой.

Королева Сибилла протянула руку. Еще секунда размышлений – и она отменит сделку. Ее сестра знала это и вцепилась в когти королевы, крепко сжимая ее руку. Капли ее крови попали на кожу королевы и обожгли их обеих. Прямо на глазах кровь Кору впиталась в плоть Сибиллы и исчезла.

Сделка на крови свершилась.

Улыбка королевы Сибиллы выглядела столь же зловещей, как и сам замок. Она расправила плечи и поправила корону из звезд на черных волосах.

– Что ж, все решено. Убей своего любовника и уходи, сестра. Если ты проживешь достаточно долго, чтобы родить ребенка, принеси его в замок. И отправляйся умирать.

Кора с трудом поднялась и отыскала своего дрожащего любовника. Весь клан королевы волков наблюдал за тем, как Кора одним движением оторвала голову мужчины от шеи – сухожилия лопнули так же легко, будто побеги дикого винограда. Смертные. Жалкие создания. Королева Сибилла фыркнула и отвернулась.

– Наведите здесь порядок, – приказала она. – А ее прогоните.

Клан повиновался каждому приказу королевы без колебаний – или же без выбора поступать иначе. Кора, волк-одиночка, обреченная на смерть, долгие месяцы скрывалась от своих преследователей. Она бежала и бежала – пока не родила мальчика, едва живая и обессиленная, и не оставила его у ворот замка.

Страж вернулся к принцу, который ждал своего защитника, и их воспитывали как братьев. Они никогда не расставались. Все делали только вместе.

Но эта история не о принце и его защитнике. Эта история о девушке, обычной смертной, и о том, как принц и его страж ее погубили.

І. Проклятие луны

Глава 1

Сегодня полнолуние.

В ночном небе висит луна, похожая на чешую русалки, и сияет, как пламя свечи в темноте. Я не отрываю от нее взгляда, стирая со лба капли липкой от пота рукой. Жара первых дней сентября в Сент-Огастине¹ просто убивает. Жарко так, что невозможно избавиться от ощущения, что тонешь, оставаясь при этом на твердой земле. Каждый вдох – это глоток влажного, тяжелого воздуха, и даже призрачная красота луны не помогает забыть, что меня медленно варят заживо.

Селесте не жить.

Сидеть на ступеньке ее крыльца так же приятно, как на лезвии ножа. Я жду ее, пока она бежит где-то за домом, чтобы приготовить для меня сюрприз. Даже не представляю, чем она хочет меня удивить и почему ей пришлось это в голову ровно тогда, когда мы уже должны были бы ехать в кино. Мой папа подвез меня к Селесте по пути на работу, а значит, у нас и без этого было мало времени, чтобы купить попкорн до начала трейлеров перед показом фильма.

– Может, я помогу тебе как-нибудь? – в отчаянии кричу я ей вслед, но в ответ слышу лишь звуки телевизора, который смотрят ее родители: из открытых окон доносится закадровый смех из какого-то ситкома. – Меня скоро съедят заживо, – продолжаю я, отмахиваясь от парочки особенно надоедливых комаров.

Теплый ветерок уносит их прочь, а я наклоняюсь вперед, обнимая руками колени, и продолжаю ждать. Стрекохот сверчки. Откуда-то издали доносится звук клаксона. Хотя я и достаю телефон, чтобы пролистать ленту, но практически сразу же его откладываю со вздохом нетерпения. Какой бы сюрприз она ни планировала, у нее уже ушла на него вечность, и мы совершенно точно опоздаем в...

Рядом со мной хрустит ветка.

Нахмурившись, я оборачиваюсь, но в той стороне двора растет всего лишь одно лимонное дерево. Его ветви отбрасывают длинные тени в лунном свете.

– Кто там? – шепчу я, прищуриваясь от одного вида этих теней. Мне никто не отвечает – да и не может, разумеется. Белки не разговаривают.

Качая головой, я стараюсь игнорировать ощущение комка в горле.

– Селеста, нам в самом деле уже пора...

Она возвращается в спешке, пряча сюрприз под старым пляжным полотенцем. Ее яркосиние локоны развеваются на ветру, словно ленты.

– Я знаю, что тебе необходимо все на свете контролировать, но постарайся проявить терпение. Я почти закончила.

Она взбегает по ступенькам, минуя меня, и скрывается в доме. Ее родители возмущаются, что она громко хлопает дверью, но она даже не думает извиняться. Если Селеста Уорд что-то задумала, ее никто и ничто не остановит.

Мне ли не знать. В конце концов, именно так и началась наша дружба: в первом классе она решительно подошла ко мне, подергала за растрепанные косички, которые кое-как заплел мне тем утром папа, и заявила мне, что мы будем сестрами – нравится мне это или нет.

¹ Сент-Огастин – старейший город США, находится на атлантическом побережье Флориды. Основан в 1565 году испанским адмиралом Педро Менендесом де Авилесом.

Не знаю, почему она выбрала именно меня, но до того дня я и не представляла, что такое настоящая дружба. Любовь Селесты – безусловная и всеобъемлющая. Она стоит того, чтобы ради нее сидеть в одиночестве под полной луной, чем бы она ни занималась в это время.

– Почти готово! – кричит она из-за двери.

Я хотела бы ответить ей что-то колкое, но сдерживаюсь. Мы не нарушаем негласное правило: Селеста никогда не говорит, что разогретые в микроволновке начос под громкий фон полицейских сводок из включенной радиостанции с трудом можно назвать семейным ужином. А я не называю воровством ее склонность не оплачивать вещи в магазинах, которая проявлялась у нее время от времени в средней школе. Она приносит мне на обед остатки приготовленного ее мамой ужина, а я слежу за тем, чтобы она держалась подальше от любого супермаркета в радиусе пятидесяти километров от нас. Она сидит в первом ряду на всех моих волейбольных матчах и выводит на щеке мой игровой номер ярко-красной помадой, а я крашу губы черной и надеваю рваные колготки на концерты ее любимых групп.

Вот поэтому я – как бы мне ни хотелось сорваться с места, резко распахнуть дверь и потащить ее к машине, схватив за окрашенные в цвет ясного неба волосы – заставляю себя спокойно и без тени агрессии сказать ей:

– Я уже заказала нам билеты в кино.

Она не отвечает, и я снова оказываюсь в полной тишине. Какое странное ощущение. Сверчки перестали стрекотать. Я изо всех сил сопротивляюсь желанию обернуться и взглянуть на лимонное дерево. Это же белка. Просто белка. Но затылок покалывает, словно за мной кто-то наблюдает.

Едва я набираюсь храбрости, чтобы пойти и разузнать, что же происходит, как наконец-то появляется Селеста. Она помогает мне встать, не переставая широко улыбаться, и прямо у меня перед глазами оказывается огромный фиолетовый засос на ее шее, мгновенно вытесняя мысли о злобных белках-людоедах.

– Вот. – Селеста поднимает крошечную фарфоровую тарелочку, очень симпатичную, розовую, с бантиками по краям, на ней – невозможно отвратительный торт из песка и грязи, который она соорудила на скорую руку. Из кучки грязи, травы и желудей торчит единственная зажженная свеча.

– С днем рождения, Ванесса.

Я смотрю на нее, нахмутив брови. Странно. Но дело не в том, что она «испекла» торт, как в детстве. А в дате.

– Мой день рождения будет только во вторник. Что-то ты рано.

– Я знаю, – нараспев отвечает она. – Но мы должны отпраздновать сейчас! Сегодня пятница, и к тому же на пляже будет грандиозная вечеринка. Почему бы не отметить сегодня? – Она хлопает длинными ресницами, изображая невинность, как будто бы не планировала этого с того самого момента, когда позвонила мне и стала умолять встретиться сегодня вечером. Если бы я не любила ее так сильно, я бы уже сняла топ, который она мне одолжила, и придушила бы им.

– Нет.

Она опускает тарелку и надувает губы.

– Ванесса Харт...

– Нет.

– ...семнадцать исполняется лишь однажды. Ты обязана это отпраздновать. Разве может быть что-то лучше, чем теплый алкоголь на пляже в компании шестидесяти самых близких друзей?

Мои губы невольно кривятся в усмешке.

– У меня даже пяти друзей нет.

– Тем более! – Она перекидывает волосы через плечо. – Нас ведь пригласили, Ванесса, а что такое приглашение, если не обещание лучшей ночи твоей чертовой жизни?

Пламя свечи между нами разгорается все ярче. Фиолетовый воск капает на выложенные кругом одуванчики. Она выбрала свечу того же оттенка, что и мои окрашенные пряди. На нее в самом деле невозможно злиться.

– В прошлый раз, когда мы ходили куда-то вместе, ты одна выпила почти целую бутылку текилы и вернулась домой без нижнего белья.

– Да это было сто лет назад! – смеется она в ответ.

Ее смех звучит легко, словно перышко, но в его глубине прячется колючая ирония. Так смеется только Селеста, и я мгновенно узнаю этот звук, где бы мы обе ни оказались.

– Это было всего два дня назад, – закатываю я глаза. – Хватит с меня твоих сомнительных идей.

– Ванесса, ты сейчас говоришь, как Бренда. – Ее покрытый темно-синим лаком ноготь, опасно острый, указывает на входную дверь. – Ты же не моя мать, у которой всего два любимых развлечения – церковь и поездка в супермаркет. Тебе же исполняется семнадцать. Разве ты не хочешь пожить хоть немного?

Я забираю у нее тарелку, но она не дает мне задуть свечу и прикрывает ее рукой.

– Я знаю, что тебе ужасно не понравилась последняя вечеринка, на которую мы ходили, и что социализация превращает тебя в аналитика потенциальных рисков (хоть и с великолепной задницей), но все-таки послушай меня. – Она хватается за подбородок свободной рукой и разворачивает мое лицо к себе так, чтобы полностью завладеть моим вниманием. – Когда-нибудь ты будешь работать в прекрасном офисе с видом на океан, станешь женой самого привлекательного мужчины в мире и матерью парочки очаровательных детей. Выходные будешь проводить на кулинарных курсах и обсуждать с мужем новинки кино между его сменами в больнице...

– Значит, мой будущий муж – врач? – уточняю я.

– Кардиохирург, но иногда подрабатывает моделью, – поясняет Селеста, прежде чем продолжить. – Твоя жизнь станет именно такой, о какой ты мечтаешь, а мне будет невыносимо осознавать, что ты навсегда обосновалась где-то за городом. Но сейчас – сегодня – ты молодая, красивая, тебе всего семнадцать. Мы ни за что не потратим эту пятницу на попкорн с двойным маслом, а пойдем на вечеринку Макса Кейдена, и ты засунешь ему язык в глотку.

Только не это, боже. Меня пробирает дрожь, и я прикусываю губу.

– Ты не говорила, что это вечеринка Макса.

Она коварно улыбается:

– Ага, теперь ты заинтересовалась, подруга?

Я краснею, вспоминая, как он помог мне встать, когда я упала во время волейбольного матча. Я поскользнулась на покрытии после неудачной подачи – команды противника, не нашей, – а он стоял у боковой линии. То, что он предложил мне руку, было настоящим божественным провидением, не иначе, а вот то, что мне не удалось заработать больше ни одного очка в той дурацкой игре, – наверняка из-за моих собственных гормонов. Просто несправедливо иметь такие голубые глаза. Как же это меня всю игру отвлекало.

Я забираю у Селесты тарелку и отступаю назад до тех пор, пока не наткнулась на ее машину. Прислонившись к ней для опоры, закрываю глаза и вздыхаю. Я просто не смогу пойти на вечеринку, которую устраивает Макс. Я же буду вести себя как полная дура. Я чувствую себя уверенно рядом с Селестой, пусть она и не такая, как все, упрямая и даже частенько категоричная, при всем этом я могу оставаться с ней самой собой, но вести себя так с незнакомым парнем я не смогу. Не смогу вести себя так с Максом.

Селеста опирается бедром на желтый капот своего древнего «Фольксвагена-Жука».

– Я не смогу прожить еще год, наблюдая, как ты боишься добиваться того, чего действительно хочешь. Ты такая яркая... и жизнерадостная, Ванесса. Если бы ты только позволяла это видеть кому-то еще кроме меня и девчонок из волейбольной команды. – Затем, уже без церемоний, продолжает: – Ты просто обязана лишиться девственности, и я приложу все усилия, чтобы ты нашла подходящего кандидата. Если хочешь, чтобы им стал Макс, значит, так тому и быть.

Я хмуро поворачиваюсь к ней:

– Грант...

– Грант Остин не считается, и мне не стоит даже напоминать тебе почему. Или стоит. И это слово начинается с...

– Ладно! – прерываю ее я, поднося к лицу тарелку с «тортом», чтобы скрыть свои все сильнее краснеющие щеки. – Ладно, я пойду на эту дурацкую вечеринку Макса, если ты обещаешь никогда больше не произносить вслух таких слов.

– Ха! Я выиграла. – Она улыбается мне и пробегает пальцами по моим фиолетовым прядям. – Загадывай желание, и едем. Я слышала, что старшая сестра Макса приехала из колледжа и взяла на себя покупку алкоголя для вечеринки.

В животе все переворачивается от тревоги. Алкоголь. Макс. Вечеринка. У меня слишком много вопросов по каждому пункту. Я нервно сглатываю и жалею, что не могу вытереть влажные ладони о свою юбку.

– Ты уверена, что идея хорошая?

– Неужели я могу предложить тебе что-то сомнительное? – спрашивает она.

Я приподнимаю одну бровь и уточняю:

– Вернуться домой без нижнего белья? Выпить целую бутылку текилы? И почему это твоя мама чуть не выставила тебя за дверь, в самом деле?

Она смеется так, будто у нее нет ни одной заботы на свете.

– Разве это не было лучшим, что случилось с нами за последнее время? Поехали. Назад пути нет. Обещаю, что в этот раз не потеряю свои трусики.

Наши взгляды встречаются, в ее карих глазах столько надежды, что я не могу заставить себя сказать ей «нет». Пусть мне и хочется. Пусть я и не уверена, что должна этого хотеть. Селеста – моя путеводная звезда. На звездном небосклоне мы с ней были бы созвездием Близицефов, и в жизни ведем себя как сестры. Повсюду следуем друг за другом. Всегда.

Я бросаю взгляд на зажженную свечу. Огонь уже наполовину растопил воск, украсив фиолетовыми каплями песок и грязь и сделав «торт» значительно симпатичнее, чем он был. Каждый год с первого класса, когда отца вызвали в участок в день моего рождения и я осталась без торта и подарков, в компании одной лишь очень раздраженной няни, которая сразу же отправила меня спать, Селеста «пекла» мне торт из песка, глины, палок, веток и всего, что могла разыскать у себя во дворе, и приносила его ко мне домой после школы.

В этом году все иначе. И в какой-то момент, глядя на трепещущий между нами язычок свечи, я неожиданно ощущаю себя по-новому. Наверное, старше. И выше. Как будто бы я достаточно подросла, чтобы выглянуть из-за забора детства и заглянуть в будущее. Уверена, Селеста не пожелала бы того же самого, но я всегда хотела самых обычных вещей: двоих родителей, дома с белым забором, режима дня, предсказуемого и неизменного – только и всего. Моя мать ушла, когда я была такой маленькой, что я и не помню времени, когда у меня был не только отец. Мой отец и Селеста. Коллеги отца по участку. Несколько девочек из волейбольной команды. Грант Остин, с которым я провела месяц прошлым летом.

И все. Таким был мой круг общения всю мою жизнь.

По улице проносится автомобиль, освещая фарами лимонное дерево. Там ничего нет. Разумеется. И это ощущение тревоги и дискомфорта в животе появилось совсем по другой

причине. А Селеста, вероятно, права. Возможно, я уже готова к чему-то другому. К чему-то новому.

Селеста берет меня за руку и сжимает ее.

– Загадывай желание, Ванесса.

И я загадываю, закрывая глаза и задувая свечу.

Я хочу большего.

Глава 2

Селеста везет нас на вечеринку на своей машине. Ее желтый кузов почти полностью покрыт пятнами ржавчины, что превращает нас в ночном свете в бронзовый блик, который быстро движется по мосту Львов² к острову Анастасия³.

Сент-Огастин состоит из двух частей, каждая из которых проникнута духом истории и историями о духах. По узким мощеным улочкам в центре города, на побережье, водят экскурсии по мотивам городских легенд, там же находятся музей пиратов и давным-давно заброшенный замок. При свете дня этот город кажется идеальным местом для отпуска. Розовые стены домов гармонично сочетаются с городской флорой пастельных оттенков, а черепичные крыши в испанском колониальном стиле создают приятную тень. Ночью же можно в полной мере почувствовать, как много лет этому городу. Сент-Огастин – старейшее европейское поселение в США (разумеется, это не так уж много значит, если учесть, что вся территория страны уже была заселена народами, которые жили здесь еще до появления европейцев), но, уверена, именно это объясняет существование такого количества историй о призраках. Еще до Плимута⁴ и Джеймстауна⁵ испанцы колонизировали это побережье. Этот город.

За эти годы в Сент-Огастине пролилось немало крови, поэтому здесь так много туристических компаний, которые проводят экскурсии по мистическим местам: они только и ждут, как бы заполучить ваши деньги и поведать вам истории о призраках.

На остров Анастасия можно попасть по мосту, но он не так популярен, как исторический центр города. Разумеется, он тоже входит в маршруты «призрачных» туров, и туда тоже ездят туристы. Но Сент-Огастин практически ни у кого не ассоциируется ни с островом, ни с маяком с красной верхушкой, ни с отреставрированными особняками, которые вырастают заново после каждого урагана – такие гордые и современные на этом древнем пляже, словно бросают вызов следующим ураганам и их разрушительной мощи.

Мы с Селестой никогда не бываем на острове. Там живут дети из богатых семей – те, что ездят на роскошных автомобилях, купленных их родителями, и учатся в престижных университетах на побережье. Они не тратят время на разговоры с нами, обычными девчонками из города.

Селеста трижды стучит по рулю, когда мы переезжаем по мосту реку и выезжаем на остров. Не сомневаюсь, что она унесет с собой в могилу склонность к суевериям.

– Пять минут, – говорит она и ставит следующий диск, не потрудившись даже взглянуть на стереосистему. Музыка врывается в машину, слишком громкая и агрессивная, а мое сердце и без того слишком болезненно колотится в груди. – Ты готова?

– Описать от страха? Само собой. – Я прислоняюсь щекой к открытому наполовину окну, мечтая, чтобы кондиционер в ее машине работал как надо, а не только обдувал нас теплым воздухом через пыльные вентиляционные отверстия, которые никто никогда не чистил.

– Это же просто вечеринка, Несс.

– Для тебя, – возражаю я. – Ты веселая и обаятельная. Все тебя любят. А я... я каждый раз стою и несу что-то бессвязное, пока люди просто не разворачиваются и не уходят.

² Мост Львов (Львиный мост) – двусторчатый разводной мост со статуями львов, который соединяет исторический центр Сент-Огастина с островом Анастасия.

³ Остров Анастасия – барьерный остров к востоку от Сент-Огастина, омывается Атлантическим океаном и рекой Матанзас. Главные достопримечательности – государственный парк, а также маяк и морской музей Сент-Огастина.

⁴ Плимут – город в Массачусетсе, был основан отцами-пилигримами, прибывшими на корабле «Мэйфлауэр». В 1621 году именно здесь впервые состоялся первый День благодарения.

⁵ Джеймстаун – первое постоянное английское поселение в Новом Свете, основано в 1607 году колонистами, которые прибыли на кораблях «Сьюзен Констант», «Годспид» и «Дискавери».

Селеста резко жмет на тормоз, когда мы подъезжаем к красному светофору. Она так резко поворачивается ко мне, что ее волосы долетают до моего лица, и бросает на меня свирепый взгляд.

– Люди уходят не из-за тебя.

– Я не имела в виду...

– Мне все равно, что ты имела в виду. У меня очень близкие отношения с твоим подсознанием, и оно порой бывает той еще стервой. Люди уходят не из-за тебя. – Загорается зеленый сигнал, но она не нажимает педаль газа. Даже когда водитель автомобиля сзади сигналиит, Селеста продолжает смотреть на меня не отрываясь. Она хмурит брови, капелька пота стекает по ее носу вниз к подбородку. – Спасибо, Ванесса.

– И тебе спасибо, – с легкостью отвечаю я. Ведь так и есть. Это легко. Самое легкое, что я когда-либо говорила в жизни. Селеста – моя лучшая подруга.

– Отлично. Пообещай мне, что постарайшься отлично провести время. Просто расслабься. Позволь себе быть веселой.

– Раз ты предлагаешь мне быть веселой, значит, мне, по-твоему, не хватает веселья?

– Конечно, мне-то не придется впору тужелька такого гигантского размера. – Селеста запрокидывает голову и смеется так звонко, как умеет только она. Я возмущенно шлепаю ладонью по ее руке, и она наконец нажимает на газ.

– Сороковой размер не такой уж и гигантский. Просто у тебя параметры пикси⁶.

– Уж лучше я буду пикси, чем снежным человеком с огромными лапами.

Я кидаю на колени свою сумочку и показываю ей язык.

– Ненавижу тебя.

– Ты меня любишь.

Люблю. Но повторять не стану. Да даже если бы я и сказала это снова, она бы меня не услышала. Она включает музыку на полную, нарушая нормы шума, и выкрикивает слова песен, которые совершенно не сочетаются ни с лентами в ее волосах, ни с глиттером на ее щеках. Такая уж Селеста. В ней сочетается несочетаемое. Как и в моей сумочке:

– Два блеска для губ, упаковка жвачки, один перцовый баллончик и складной швейцарский армейский нож, которые мне вручил один очень тревожный отец, – перечисляю я ее содержимое, стараясь перекричать музыку, пока Селеста не делает тише. – Еще есть злаковый батончик. Думаешь, нам может что-то еще понадобится? – Я показываю ей мятую упаковку батончика, поднимая ее за край. Селеста бросает на него взгляд, одновременно сворачивая не туда.

– Кажется, мы готовы даже к концу света, не то что к обычной вечеринке, где и делать-то ничего не надо.

– Эй, следи за дорогой. Общественный пляж гораздо дальше.

Она коварно улыбается:

– А кто говорил об общественном пляже? – Мы едем по узкой дороге, утопающей в тени высоких дубов, и сворачиваем на темную парковку возле маяка, окрашенного в черные и белые полосы.

– Селеста, – предостерегаю я, у меня возникает плохое предчувствие.

Она глушит двигатель.

– Ты бы не согласилась, если бы я тебе сказала заранее.

– Разве речь шла не об «обычной вечеринке»? Кто вообще устраивает вечеринки на маяке! Тут не обойтись без сирен и полиции, нас же арестуют раньше, чем университеты пришлют нам отказы.

– И это говорит девушка с ножом в руках.

⁶ Пикси – крошечные существа из британской мифологии, разновидность эльфов и фей.

Я кидаю нож в сумочку, выпрямляю спину и остаюсь сидеть в машине, отказываясь даже отстегивать ремень безопасности, когда Селеста открывает свою дверь. А я-то думала, что не может быть ничего безумнее вечеринки, на которой мы побывали в прошлую среду в доме Бруклина Дэвиса – парня, к которому Селеста – как она утверждает – абсолютно равнодушна. Она тогда пила алкоголь, курила, пропала из поля зрения на целый час в толпе других приглашенных... Казалось бы, это и должно было стать пределом безумства.

– Уверена, это считается уголовным преступлением.

– Во-первых, – начинает Селеста, – вечеринка будет не в маяке, а рядом с ним, на лодочном причале. Там работает отец Бруклина. Так что все законно.

– О, снова это имя. Мы что, теперь преследуем Бруклина? Я думала, вечеринку устраивает Макс.

– Так и есть. Вместе с Бруклином.

– Да они даже не пересекаются с Бруклином в школе.

– Ты уже успела запомнить расписание Макса? Я всегда знала, что ты способна применять свои таланты и ради собственных целей. Подумай только, чего мы обе могли бы добиться, если бы ты всегда так делала. – Она выхватывает у меня сумку и с визгом выскакивает из машины, ее изящная фигурка пропадает из виду уже через несколько шагов. Я выбираюсь из машины следом за ней.

– Я совсем не так представляла себе хороший день рождения!

– Я хочу жить, Ванесса. Хочу быть свободной! – Она кружится, широко раскинув руки. – Ты присоединишься ко мне или нет?

Я не могу принять решение. Я и хочу пойти на вечеринку, и не хочу там присутствовать. Проще было бы развернуться и посидеть в машине, пока не приедут полицейские. Селесту бы арестовали, и не без причины. С другой же стороны... Я думаю о Максе и о том, как задувала свечу.

Я же хотела большего. Загадывала желание.

– Живи, – требует Селеста. – Семнадцать бывает лишь раз в жизни.

– Ладно. – Я делаю шаг вперед. – Но если что-то пойдет не так, виновата будешь только ты.

С радостными возгласами Селеста тащит меня прочь от маяка, прямо сквозь заросли ежевики, где мы находим спуск к берегу. Держимся за руки, она сует мне сумку, прижимая ее к моей груди, и я судорожно цепляюсь за нее свободной рукой. Держусь за сумку, как за спасательный круг, чувствуя, что выйти сухими из воды у нас не выйдет.

Мое состояние напоминает мне те мгновения, когда уже засыпаешь, но еще не спишь. Находишься в пограничном состоянии между пустотой и снами, переходишь от абсолютной тишины к взрыву воображения, мыслей и чувств, даже не осознавая, что именно происходит.

Мы идем по заброшенному скрипучему мосту, скрытому под нависающими деревьями, чьи покачивающиеся ветви так шелестят, что заглушают даже рокот Атлантического океана. А потом мост заканчивается.

Вечеринка начинается, но избавиться от дурного предчувствия у меня так и не получается.

* * *

Потные тела заполняют каждый уголок пространства на пляже. Песок засыпается в нашу обувь, царапает кожу, трет между пальцами. Соленый воздух ночью кажется тяжелее, словно одеяло, которое окутывает теплом со всех сторон. Последние золотые лучи заигрывают с лунным светом над бесконечным мраком океана. Телефоны, установленные на кулерах со льдом,

кегах и пляжных стульях всех цветов радуги, подсвечивают то, что не способна осветить луна, и создают отражения, складывающиеся в калейдоскоп теней.

Сначала я не знаю, куда идти, поэтому продолжаю держаться за Селесту, пока она прокладывает путь сквозь толпу наших одноклассников и направляется напрямик к кулерам у кромки воды. Она не смотрит под ноги на ходу и не сбивается с шага, когда мы выходим на песок. Просто идет вперед: спина прямая, подбородок приподнят, лицо купается в лунном свете. Как бы мне хотелось быть такой же уверенной.

Я и раньше бывала на вечеринках – у костров на пляже и дома – но ни одна из них не была похожа на эту. Ни одна не была настолько масштабной и шумной: сейчас мне кажется, будто я тону в море шума, запахов и ярких мерцающих огней. Огни освещают лица моих одноклассников, девочек из волейбольной команды и ребят, которых я не знаю. Красивых. Богатых. В дорогих дизайнерских вещах, небрежно ниспадающих с идеальных широких плеч. Их головы поворачиваются в нашу сторону, словно... они следят за нами.

Я удивленно оборачиваюсь и чуть не наступаю на одну из босоножек Селесты, мы обе едва не растягиваемся на песке. Рыжеволосая девушка в черной кожаной юбке смеется, пока я выпрямляюсь, и внутри меня все холодеет, когда я осознаю: она видела – они все видели. Я буквально чувствую на себе их взгляды, а Селеста лишь усмехается и показывает им средний палец, а затем уводит меня прочь. Я не знаю, куда смотреть. Не знаю, что делать. Мои руки и ноги кажутся чужими, непривычно тяжелыми. Улыбнуться? Или улыбаться в такой ситуации странно? А если сделать недовольное лицо, не подумают ли одноклассники, что я стерва? А если начну двигаться в такт оглушительной электронной музыке, не покажусь ли идиоткой? Или же буду выглядеть как Селеста – миниатюрная пикси, которая грациозно двигается в ритме любой танцевальной музыки?

Моя голова просто взорвется еще до того, как нас арестуют, и, честно говоря, я бы предпочла, чтобы именно так и случилось прямо сейчас. Селеста сжимает мою ладонь, как будто читает мои мысли, ее разгоряченная кожа оказывает успокоительный эффект на мою нервную систему, но лишь отчасти.

– Представь, что ты на игре. – Она повышает голос так, чтобы я могла ее услышать. – На волейбольной площадке, где ты и еще одиннадцать девчонок, ситуацию контролируешь именно ты. И знаешь почему?

– Нет. – Я пытаюсь крикнуть в ответ, но получается лишь слабо пискнуть.

– Во время игры ты не думаешь. Ты просто действуешь, не задумываясь. – Она заправляет мне за ухо темный локон, одновременно приглаживая и выбившуюся фиолетовую прядь. – Твое тело само знает, что делать. Не разрешай мозгу сбивать тебя с толку и слушай свое тело.

Она права. На волейбольной площадке я не забиваю себе голову лишними мыслями. Там есть только я и мяч. Препятствия и одна-единственная сетка. А здесь же... мало того что здесь девочки из моей волейбольной команды, чьего одобрения я отчаянно добиваюсь, чтобы стать капитаном в следующем году. Где-то здесь еще и Макс Кейден, и из-за этого меня слегка подташнивает – или даже не слегка. А все остальные... даже не знаю. Они просто имеют для меня значение. Мне важно, что они обо мне думают и какое я произвожу на них впечатление.

И дело в том, что они еще не приняли окончательное решение: не выбрали, свайпнуть ли меня влево или вправо. А значит, есть шанс, что я еще могу им понравиться – или же, что вероятнее, я все испорчу. Продемонстрирую им все свои худшие качества, о которых знает лишь Селеста, и они с криками уйдут от меня куда подальше.

– Не думать легче на словах, чем на деле, – говорю я Селесте.

– Да, если ты трезвая. – Она рывком открывает переносной холодильник, в котором выстроились в ряд розовые бутылки с алкоголем. Коктейли с водкой и клубникой или розовым лимонадом и крем-текила. Все названия кажутся одинаково токсичными. Селеста водит пальцем по этикеткам, выбирая нам яд наугад. – Вот этот. – Она вытаскивает из холодильника

бутылку с водкой и розовым лимонадом, находит стопку одноразовых стаканчиков и наполняет их до краев. – Пей.

– Но если полиция...

– Обещаю, сегодня вечером ты своего отца не увидишь.

Она подносит стаканчик прямо к моим губам, и я понимаю, что со стороны выгляжу как младенец, которого кормят из бутылочки, и что некоторые могут обо мне подумать. Я изо всех сил стараюсь ни о чем не переживать.

– Больше никаких размышлений, – предупреждает она. – Пей или танцуй. Одно из двух.

Я беру у нее напиток, потому что сомневаюсь, что смогу танцевать, если не выпью. Один глоток – и мне кажется, что я пью мышьяк. Второй – и яд кажется почти сладким. К третьему глотку я уже настолько довольна напитком, что даже улыбаюсь. Наверное, мне и в среду надо было что-нибудь выпить, но тогда я не смогла бы отвезти Селесту домой.

А кто же отвезет нас домой сегодня?

– Вот это моя девочка. – Селеста опрокидывает себе в рот все содержимое стаканчика и со знанием дела тут же проглатывает. Когда она проделывает то же самое со второй порцией, я еще и половину первой не выпила. А она уже тянет меня в толпу танцующих. Я нахожу Сару Ву, девчонку из волейбольной команды, и она чуть ли не падает на меня.

– Вечеринка крышесносная, – кричит она. От нее исходит такой резкий запах, что им можно было бы снять краску с маяка.

Селеста тянет мои руки вверх, вращая при этом бедрами так, что мои тоже начинают двигаться.

– Лучшая! – соглашается она с Сарой. Селеста и Сара – которые раньше обменивались лишь парой слов после моих игр, на которые приходила Селеста, хохочут так, будто сто лет знакомы. А потом Селеста хватает Сару и вовлекает ее в странный танец. Я изо всех сил стараюсь не отставать, заставляя свои бедра, плечи и стопы повторять движения девчонок. В конце концов Селеста и Сара обнимают меня, и постепенно мы двигаемся в более естественном ритме.

Алкоголь обволакивает желудок приятным теплом. Какой контраст с ледяной водой океана, которая то и дело окатывает наши ноги. Это тепло струится по венам, двигаясь прямо к моему сердцу, а затем устремляется к мышцам, пока я не начинаю чувствовать жар, свободу и легкость во всем теле.

И внезапно понимаю, что чувствую себя отлично. Как будто у меня в жизни никогда не было проблем серьезнее намокшей обуви и мокрых ног. Прямо передо мной трясет задницей и хохочет, как гиена, Селеста, а позади меня Сара выкрикивает что-то о нашей последней победе. Я едва обращаю внимание на то, что богатенькие ребята все еще наблюдают за нами.

Ну и пусть.

Я ловлю себя на мысли, что вечеринки мне нравятся. Смеюсь и дотрагиваюсь до волос Селесты. Поправляю ее бархатистые лазурные локоны до тех пор, пока пряди не обвиваются вокруг моих пальцев, такие же мягкие, как и всегда.

– Ты лучшая, – кричу я ей, потому что мой разум и тело не оставляют мне другого выбора.

Она встает на цыпочки и отвечает мне:

– И это навсегда, подруга!

Мы снова смеемся. Все мои сомнения по поводу сегодняшнего вечера улечиваются. Ласковые волны алкоголя – одна за другой – смывают ощущение тревоги, пока я искренне не начинаю верить в то, что полиция не придет. Больше не волнуюсь, что окажусь в вечерних новостях.

Здесь только я и мои друзья. Все шестьдесят человек. Селеста была права. Это лучшая вечеринка в моей жизни.

Вдруг Селеста вскрикивает, и я оборачиваюсь. Прямо перед нами – с золотистым нимбом от экрана телефона – появляется Бруклин Дэвис. Высокий, с гладкой темно-коричневой

кожей и иссиня-черными косичками. Несомненно, самый симпатичный парень в школе. Она выкрикивает его имя, как будто произносит вслух впервые, а я улыбаюсь – широко и искренне, как никогда прежде. Я знала, что он ей нравится.

– Вот ты где! – говорит она, обвивая его шею.

Он смеется, подхватывает ее на руки и нежно целует в лоб. Бруклин ходил за ней по пятам весь последний год: помогал донести до класса учебники, делился с ней своими обедами и предлагал бесплатно поменять масло в машине ее матери. Она бы точно не смогла его вечно держать на расстоянии, особенно если учесть, как она всегда на него смотрела – такими огромными глазами, словно не могла до конца поверить, что он настоящий. Как будто была уверена, что он вот-вот исчезнет или же что его маска спадет и останется лишь истинная гнилая сущность. Но он не из тех, кто прячется под маской. И, как мне кажется, она начинает это осознавать.

Она смотрит на него, все еще удивляясь, но лишь секунду, крепко-крепко его обнимает и не отпускает.

Он смеется.

– Если бы я знал, что ты будешь так рада меня видеть, нашел бы тебя раньше. Ты все еще хочешь, чтобы я отвез тебя домой после вечеринки?

– Да, пожалуйста, – кричит она в ответ.

Музыка в этот момент кажется мне богиней, благословляющей раскатами грома каждую песчинку на этом пляже. Я не могу перестать двигаться под эти ритмы. Просто не хочу останавливаться.

– Я так скучала по тебе!

Он ставит ее на песок и практически касается губами ее уха. Я не слышу, что он ей шепчет, но мне и не нужно ничего слышать, чтобы понять: они на самом деле влюблены друг в друга. Я ликую и радостно кружусь в танце, пока вдруг не появляется... он. Прямо передо мной стоит Макс Кейден.

О боже. Я с трудом поднимаю глаза. Даже дышать едва могу. Он буквально в шаге от меня. Светлые волосы, голубые глаза. Кожа сияет, словно сам лунный свет. Мне так хочется прикоснуться к его волосам. Его коже. Что же мне делать? Мне хватает пары секунд, чтобы понять, что алкоголь больше на меня не действует, а ледяная вода обжигает пальцы ног, как будто в них вцепились клешни краба. Пробуждает меня от прекрасных грез наяву и возвращает обратно в жестокую реальность.

Я на нелегальной вечеринке. Парень, который сводит меня с ума, стоит прямо передо мной.

Селеста толкает меня к нему с силой, равной мощности урагана пятой категории. Возможно, сейчас я действительно ее ненавижу.

– Господи, как же мне жаль, – так спешу сказать я, падая в его крепкие объятия, что проглатываю слова и произношу что-то совершенно невнятное.

Он вполголоса смеется, и от его голоса у меня появляются мурашки:

– Не переживай. На моих вечеринках всегда много народа.

– Ясно, – отвечаю я, все еще пребывая в шоковом состоянии. Он помогает мне встать, и продолжает крепко держать меня. Я не могу оторвать взгляд от его пальцев, которые поглаживают мою руку чуть ниже локтя, и вздрагиваю.

В уголках его сапфировых глаз появляются морщинки, как будто он беззвучно смеется:

– Вижу, кое-кто с удовольствием поглощает запасы моей сестры.

Запасы. Запасы? А, Селеста же говорила, что сестра Макса привезет алкоголь. Я лишь киваю в ответ, сожалея, что не могу объяснить, как проглотила язык, увидев его, и не буду в состоянии разговаривать ближайшие семь – десять дней. Но мне и не нужно, потому что есть Селеста. И она явно настроена не давать ему прохода.

– Это Ванесса, – представляет меня Макс Селеста, рывком подтягивая к себе Бруклина. – Вы же вместе ходите на математику, да ведь?

Макс пододвигается ко мне еще ближе, и, клянусь, я слышу, как бьется мое сердце.

– Черт, правда? К мистеру Питерсу на четвертом уроке?

– Да. Я просто... сажусь на задние парты. – Я не отрываю от него глаз. А он – от меня. Кажется, что мы оба даже не моргаем, пока наконец-то он не прерывает молчание. Я так рада, что едва не плачу.

– Ну, круто. Наверное.

Ой.

Я заправляю волосы за уши. И поспешно выправляю, пока он не заметил мой двойной хеликс-пирсинг⁷ и не решил, что я специально его демонстрирую. Я думала, наш разговор будет совсем не таким. Может, ожидать, что он подхватит меня на руки и поцелует здесь и сейчас, не слишком реалистично, но разве нам не о чем больше разговаривать?

– А ты обычно сидишь спереди, – добавляю я. Селеста хмурится, а Бруклин, кажется, давится от смеха. Даже Макс больше не смотрит мне в глаза. Он машет блондинке справа от меня, а потом – рыжеволосой девушке слева. Черт. Я же все порчу.

Селеста говорила мне перестать думать. Разрешила только пить или танцевать. Если я не хочу, чтобы этот вечер запомнился мне как худший в моей жизни, мне нужно взять себя в руки. Что бы сказала на моем месте Селеста? Что бы она сделала?

– Потанцуем? – спрашиваю я Макса и понимаю, что в моей голове умещается лишь одна мысль: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста».

Макс удивленно вскидывает брови. Бросает взгляд на других девушек, пожимает плечами:

– Конечно. Почему бы и нет.

Но едва мы собираемся начать танцевать – Макс даже не успевает ни положить руку мне на талию, ни романтично притянуть к себе, как я фантазировала – кто-то сбивает меня с ног, и я падаю. Как же больно.

Теперь это официально худший вечер в моей жизни.

⁷ Двойной хеликс-пирсинг – вид спирального пирсинга, при котором создаются два прокола близко друг к другу на наружном хряще уха.

Глава 3

– Эй, что за черт? Если кто-то вызовет скорую, нам всем конец! – кричит Макс откуда-то с пляжа.

Тот, кто толкнул меня, уже исчез, как, к сожалению, и Макс. Мое сердце замирает. Колени горят. Что-то теплое и липкое стекает по моей ноге.

Конечно, именно так и должен был сложиться мой вечер. Я истекаю кровью, лежа на песке, и, кажется, Макс... да, я уверена, что я ему совершенно безразлична. Музыка стихает, все оборачиваются и смотрят на меня. Черт, что может быть лучше.

Я с трудом поднимаюсь и оглядываюсь в поисках Селесты, но и она куда-то пропала. Со мной остается только Сара. Она бросает на меня сочувственный взгляд и предлагает:

– Надо найти тебе пластырь. Кажется, у меня есть в машине.

Я киваю, глаза наполняются слезами, но тут замечаю Бруклина: он стоит совсем близко, а смотрит куда-то вдаль. Я слышу шум, слышу ее. Как же она кричит.

Я отхожу от Сары и пробираюсь в глубь взволнованной толпы. Все проявляют участие, спрашивают, все ли у меня в порядке. Но я слышу только то, что где-то продолжает кричать Селеста. Должно быть, ей нужна помощь. Может, она тоже поранилась. А что, если...

– Кем ты, черт возьми, себя возомнил? – Селеста тычет пальцем в грудь какого-то незнакомого парня. Незнакомец еще выше Бруклина, бледнее, у него длинные темные волосы и глаза какого-то невероятного вишневого оттенка. Он так же красив, как и все остальные. Сногсшибательно красив. Даже, пожалуй, неестественно. Самодовольно улыбается. Из тех, кто привык к столовому серебру и завуалированным оскорблениям. Он насмешливо смотрит на ее палец, словно даже не считает нужным как-то еще реагировать на ее дерзость.

– Эй, придурок, – говорит она, повышая голос, – ты только что толкнул мою подругу так, что она упала. Попробуешь извиниться или эти очаровательные губки все еще заняты тем, что сосут грудь мамочки и папочки?

О нет.

Я подбегаю к ней, обхватываю обеими руками, тяну за собой. Она не двигается с места. Стоит как вкопанная, как будто на пляже выросла скала.

Взгляд странного парня падает на меня, потом – на мое колено. Он морщит нос, словно испытывает отвращение.

– Мы танцевали. Не стоило ей стоять там, где танцуют.

Девушка с шелковистыми черными волосами до талии, с которой они и танцевали, делает шаг вперед. Глаза у нее такого же вишневого оттенка, как и у надменного незнакомца. У них одинаковые прямые носы и заостренные подбородки, но ее поджатые губы и прищуренные глаза выдают откровенное негодование. Она похожа на осу, готовую ужалить. От одного взгляда на нее у меня по рукам бегут мурашки.

И говорит она ледяным тоном.

– Вероятно, твоя подруга так увлеклась, пуская слюни на этого красавчика, что не заметила – это вечеринка. На вечеринках танцуют. – Она поворачивается ко мне, не скрывая презрения. – Даже те, кто танцевать не умеет.

Я цепенею. Краска смущения заливает мое лицо, шею и грудь. Я пытаюсь скрыть это, растворившись в толпе, и удержать при этом Селесту, но она не позволяет нам обоим сделать и шага.

– Селеста, не стоит, – прошу я, желая, чтобы вновь заиграла музыка и все вспомнили о танцах. Но они смотрят на нас и ждут, что будет дальше.

За спинами этих двух богатеньких деток выстроились еще шестеро таких же красивых и надменных мажоров. Они все выпрямляются во весь рост и бросают на нас уничтожающие

взгляды. Мне хочется ото всех спрятаться, больше чем когда бы то ни было, но у Селесты совершенно иные намерения.

И она решает от них не отказываться, когда девица с темными волосами открытым текстом посылает ее куда подальше, похрустывая костяшками пальцев и демонстрируя мышцы на руках. То же самое проделывают ее друзья-мажоры.

– Или же разберись с нами как крутая девчонка, какой ты себя считаешь.

Мои одноклассники одновременно резко вдыхают и задерживают дыхание. Несколько секунд слышен лишь звук волн, набегающих на берег. Обстановка накаляется до предела.

Я будто слышу сигнал тревоги в своей голове.

Опасность, опасность, опасность.

У этих ребят достаточно денег, чтобы откупиться от полицейских, купить новый маяк и профинансировать строительство нового крыла больницы – и все это в один день. А выглядят они так, будто успешно обучаются боевым искусствам и исключительно у чемпионов. Если мы ввяжемся в драку с ними, проиграем.

Как бы я ни старалась сдвинуть Селесту с места, она не поддается. Стирает со лба капельки пота, но потеет все сильнее, будто у нее поднимается температура от гнева.

– Я тебя не боюсь.

– Неужели? – Девчонка наклоняет голову, волосы каскадом спускаются на одно плечо, скрывая позолоченное украшение, которое она носит на шее. – А стоило бы. Думаешь, поцарапанное колено – максимум, на который мы способны?

– Я думаю, вы могли бы извиниться, – слышу я голос Макса и принимаю его теплые слова за точку опоры, но теряю ее тут же, когда он продолжает: – Вы хотите, чтобы приехала полиция и испортила мою вечеринку?

Девушка смеется, когда замечает, как меняется выражение моего лица после этих слов. По моей коже снова бегут мурашки, острые, как ножи. Страх будто пронзает позвоночник. У меня наконец-то получается сдвинуть с места Селесту и оттащить ее подальше от этих ребят, но недостаточно далеко, чтобы вывести ее из поля их зрения. Я не хочу никого видеть и слышать. Хочу домой.

Но эта девчонка не дает мне уйти. Она нашла мое слабое место и продолжает унижать меня.

– Ты в самом деле думала, что можешь ему понравиться? Он хоть и придурок, но все его хотят, а себя ты видела? – Она указывает рукой на мое колено. – Ты же... ничтожество.

В этот момент Селеста резко вырывается из моих рук и оказывается на песке вместе с надменной девицей. Толпа расступается. Освобождает пространство для драки. Я даже не успеваю понять, что происходит. Вижу кулаки и ногти, больше похожие на когти, царапающие щеки. Слышу то ли вой, то ли выстрел где-то вдалеке, который звучит, будто сигнал к потасовке. Селеста кричит во весь голос, вцепившись в волосы соперницы. Бруклин спешит к ним, подхватывает Селесту за талию и уносит прочь.

Неугомонная девица не желает прекращать. Она отвешивает Селесте пощечину, прежде чем Бруклин успевает спасти ее. На щеке Селесты остается вздувшийся красный след: ссадина длинная и неестественно глубокая (у Селесты даже выступает кровь), словно ее оставили когти зверя, а не ноготки этой девчонки с идеальным маникюром. Все в ее группе поддержки как замороженные смотрят на рану. Мне кажется, что их глаза темнеют. Если они рассчитывают, что Селеста сдастся, то напрасно. Ссадина заставляет ее еще активнее сопротивляться. Яростнее царапаться.

– Селеста, прекрати...

– Да пошла ты, – выкрикивает Селеста. Не мне, а той девушке. Так грубо она обычно не разговаривает. Бруклин поднимает ее в воздух, закрывая ее ото всех грудью, но она не унимается. – Вы тупые, психованные, высокомерные ублюдки!

– И чего ты этим добиваешься, – равнодушно пожимает плечами тот самый надменный красавец, хотя его взгляд по-прежнему прикован к щеке Селесты. – Это и дракой-то не назовешь.

Девушка проводит тонкими пальцами по волосам, отряхивает от песка шелковую блузку, будто всего лишь пробежалась по пляжу, а не участвовала в драке прямо на песке. Бруклин ставит Селесту на ноги, бросает на меня взгляд – мольбу о помощи, – и я помогаю ему удерживать мою лучшую подругу, которая яростно вырывается из наших рук.

Я не понимаю, почему она никак не успокоится. Селеста никогда не дерется. Я ни разу в жизни не видела, чтобы она хоть пальцем кого-то тронула. Такого просто не может быть. Что-то не так.

– Селеста, – говорю я, собравшись с силами, чтобы снова заговорить.

Она смотрит на меня, и на секунду мне кажется, будто передо мной кто-то другой. Я не узнаю ее. Она еле выговаривает:

– Ты ранена.

Словно все так просто: она требует возмездия за мою боль, и они должны за это заплатить. Ее грудь тяжело вздымается. На ее лице – от уголка глаза до подбородка – краснеет след от пощечины, на шее и плече запеклась кровь. Волосы, испачканные песком, потом и морской водой, торчат во все стороны. Глаза сверкают нечеловеческой жадой мести.

А та, другая девушка рассматривает свои ногти со следами крови Селесты с легкой усмешкой. Словно она довольна таким развитием ситуации.

Мне хочется убить ее за это. Внутри меня закипает ярость. Пусть она проявляется не так бурно, как у Селесты, но не менее разрушительно. Как же мне это не нравится. И еще больше не нравится то, что я уже не могу остановиться.

– Да кто ты такая вообще? – Я отпускаю Селесту и выхожу вперед. – Ты не учишься в нашей школе и никого здесь не знаешь. Просто уходи отсюда.

– А ты как думаешь? – вкрадчивым тоном отвечает девушка. – Я твой самый жуткий и мучительный кошмар.

Она показывает мне средний палец, почти все ее друзья разражаются хохотом, почему-то похожим на завывание. Меня так трясет от ненависти, что насилие начинает казаться мне не таким уж и неприемлемым вариантом.

Тут Селеста вырывается из рук Бруклина, и я переключаю внимание на нее. Не хочу, чтобы она наделала глупостей. Ничего настолько глупого, что я и сама секунду назад считала возможным.

Но Селеста остается на месте. Она резко поправляет свой топ, оттягивая воротник от шеи. Я замечаю, что она вся в поту. Он стекает по покрасневшей груди, ткань под мышками насквозь промокла. Она хватается за живот свободной рукой. Ее щеки так пылают, будто еще немного, и ее голова взорвется. Даже кожа вокруг засоса на ее шее кажется раздраженной и воспаленной, а сам синяк – огромным, он словно распространяется под одеждой и выглядит как паутина из фиолетовых чернил и черной боли. Как сыпь из кровоподтеков.

– Мне... мне надо идти. – Она срывается с места и бежит прочь, сквозь толпу, в сторону маяка. Компания мажоров презрительно смеется ей вслед, но наши одноклассники встают стеной между ними и Селестой. Защищают ее. Слава богу. Бруклин и Макс – в первых рядах, со скрещенными на груди руками и воинственно задранными подбородками. Каждый из незнакомцев выше любого из наших одноклассников. Крепче. Сильнее и грациознее. Каждый выглядит лучше нас.

Злобная девчонка рядом со мной, с длинными черными волосами и густыми ресницами, высокомерно бросает, проводя языком по зубам:

– Будь послушной девочкой, сучка, беги скорее.

Другой парень – блондин – дотрагивается до плеча этой девчонки:

– Хватит.

Она тут же послушно оказывается у него за спиной. Блондин открывает рот, будто хочет сказать что-то еще, но мне все равно, что бы это ни было. Мне нет дела ни до кого из них.

Мне важна одна лишь Селеста.

Макс и Бруклин – как и все остальные наши одноклассники – могут и сами постоять за себя. Я бегу за своей лучшей подругой, ориентируясь на жуткие звуки ее рвоты, пока наконец не нахожу ее.

* * *

Селеста склоняется над кустами через дорогу от маяка, ее голова скрывается где-то в листе. До парковки, где среди машин других гостей вечеринки стоит и наша, остается всего пару метров. В темноте она выглядит как тень от большого камня. Музыка здесь не слышно. Тускло светят уличные фонари. Я поглаживаю спину Селесты, пока она сотрясается от рвоты, извергая содержимое желудка на куст, которому не повезло оказаться на ее пути. Вытираю кровь с ее щеки и груди, стараясь не задевать все разрастающуюся сыпь.

Когда мне удастся привести ее в порядок, я роюсь в сумке и достаю злаковый батончик, а следом – перцовый баллончик.

– Что выбираешь? Перекусить, чтобы поскорее вывести алкоголь, или же выжечь себе глаза перцем и забыть обо всем, что сегодня случилось?

Она прочищает горло и отвечает уже своим нормальным голосом:

– Думаю, перцовый баллончик может произвести обратный эффект.

– Согласна. – Я меняю баллончик на складной нож. – А как насчет бесплатной лоботомии?

Она стонет и пытается выпрямиться, все еще покачиваясь и хватаясь за меня, чтобы восстановить равновесие. Я выпускаю из рук сумку, чтобы поддержать Селесту.

– Вся школа видела? – Она утыкается лицом мне в плечо. Ее вопрос звучит как мольба о пощаде.

– Не вся. Учителей не было. – Я ласково улыбаюсь ей в ответ.

Она еще громче стонет и прячет лицо в ладонях.

– Я больше никогда не буду пить.

– Конечно, конечно.

Я провожу по ее волосам дрожащей рукой. Слезы струятся по моим щекам, но ей я их не показываю. Я просто рада, что с ней все в порядке и драка не переросла во что-то более серьезное. Но я не могу сказать ей всего этого сейчас, не расстроив ее еще сильнее. В этот момент у меня есть лишь одно желание – все исправить. Убедиться, что она доберется до дома в целости и сохранности.

– Я серьезно, – всхлипывает она. – Не знаю, о чем я думала. Я никогда раньше ни с кем не дралась. Еще и эта стерва – со своими острыми, как бритва, ногтями.

Она едва касается пальцами царапин на щеке и шипит от боли. Я ощущаю эту жгучую боль так, словно она моя собственная. Слышу, как гулко стучит в ушах мое сердце. Этот вечер мог закончиться куда хуже.

– Ты пыталась меня защитить. – Я заставляю себя говорить непринужденно. Заставляю себя не обращать внимание на струйки пота на ее теле. На кровь, запекающуюся возле уха. – А еще ты выпила лишнего. И вела себя слишком дерзко.

– Прости, Несс. – Она рыдает, сотрясаясь всем телом. – Я так себя чувствую... так сильно болит в груди. Я словно не могу дышать. Мне так жарко...

– Это адреналин. Твое тело так реагирует на шок. Как только ты ввязалась в драку, настоящая ты словно... словно исчезла. – Я с трудом дышу. Она дрожит. Ее кожа по-прежнему горячая. Вдруг это не только из-за жары. Вдруг что-то не так. Действительно не так, и...

Нет. Мне нельзя так думать. Только не сейчас. Если я не буду держать себя в руках, она точно не справится.

– Они заслужили.

Она отстраняется от меня, вытирает краем топа глаза и садится на бордюр. Выглядит поникшей.

– У тебя колено кровит.

Я сажусь рядом с ней, обнимаю ее за плечи. Я просто не могу оставить ее одну. Мне надо почувствовать тепло ее тела.

– Все хорошо. Я даже не заметила.

Мы сидим в тишине какое-то время. Постепенно ее дыхание выравнивается. Ее щеки бледнеют, когда тает лихорадочный румянец. Она снова становится самой собой – просто Селестой – пытается найти в темноте мой взгляд.

– Я хотела защитить тебя.

– Я знаю. – Наши головы соприкасаются. Я не выпускаю из руки нож, тяжелый и прохладный. – Я думала, что готова убить ее. Когда она тебя ударила, я собиралась сама на нее наброситься.

– Ты ведь никогда не сдаешься, и своих не бросаешь, и... и мы сестры, – говорит Селеста. – Но ты и сама это знаешь, правда? Ты и есть та семья, которая мне необходима. Ты все, что мне нужно, Ванесса Харт.

– А ты все, что нужно мне, Селеста Уорд. Навсегда.

Она сцепляет свой мизинец с моим, улыбка Селесты напоминает мне о том, как мы познакомились одиннадцать лет назад. Она смеется, и чувство тяжести в моей груди исчезает. Я снова могу дышать. Все... все будет хорошо.

– Поверить не могу, что ты почти потанцевала с Максом Кейденом, – говорит она, толкая меня в бок.

Я прячусь за волосами, чтобы скрыть, как пылают мои щеки.

– Не думаю, что я ему нравлюсь.

– Не слушай этих придурков. Если бы ты успела потанцевать с ним, то точно понравилась бы.

Хотя я и знаю, что ее слова далеки от правды, я все-таки заставляю себя надеяться.

– Ты так думаешь?

Она снова подталкивает меня локтем.

– Конечно. И сейчас еще не все потеряно. Если в следующий раз ты сможешь разговаривать с Максом, а не только пускать слюни.

Я зажимаю ей рот рукой, не в силах удержаться от смеха.

– Будто ты сама лучше? Как же я скучала, Бруклин! Ты даже не представляешь, Бруклин!

Она кусает мою руку, и я с визгом ее отдергиваю. Мы обе смеемся.

– Наверное, он мне и в самом деле нравится. Даже очень.

– Я знаю, что даже очень.

– Ну конечно. Ванесса Харт всегда все знает. – Она показывает мне язык, хихикает, а потом опускает взгляд. – А как ты... как ты думаешь...

– Да, – говорю я, не дожидаясь, пока она закончит мысль. – Он хороший. Более того, вы будете хорошей парой.

Она выдыхает.

– Что ж, тогда нам пора подумать о том, как отсюда уехать. До того, как приедет полиция, мы отправимся в тюрьму и никто из парней больше не позовет нас замуж.

А я почему-то перестаю волноваться. Меня больше не волнует ни полиция, ни парни, ни события сегодняшнего вечера. Я и чувствую себя иначе, расслабленнее. Мышцы больше не сковывает тревожное ожидание. Знаю, что пока мы вместе с Селестой, все со мной будет хорошо.

Я не спеша встаю, отряхиваю песок с ее одежды, распутываю волосы.

– Если я попадусь на глаза маме в таком виде, она снова отправит меня в религиозный летний лагерь, – бормочет Селеста.

– Если до этого дойдет, переедешь ко мне, – говорю я. – Я не позволю тебе уехать куда-то на целый месяц без меня.

– Слава богу. Давай посидим в машине, пока не протрезвеем настолько, чтобы ехать домой. Я не готова вернуться на вечеринку, чтобы попросить Бруклина отвезти нас.

– Давай. – Мы идем к машине, держась за руки и размахивая ими в такт шагам. Подождать пару часов теперь кажется самой простой вещью на свете. Мы смотрим по сторонам, прежде чем перейти дорогу – как вдруг Селеста резко сжимает мою руку. Дергает меня поближе к себе. Сначала я думаю, что так она выражает свою заботу, и жду ее обычного уверенного пожатия. Но она так и не пожимает мне руку.

Ее губы сжимаются, сдерживая всхлип. Она разглядывает что-то слева от меня.

– Что...

– Смотри. – Ее взгляд прикован к чему-то, что происходит на улице за моей спиной. Я оборачиваюсь, чтобы рассмотреть, что она увидела, и замираю от ужаса.

Я вижу чей-то силуэт, кого-то такого же высокого и крепкого, как те ребята на пляже. Тень следит за нами и не двигается. По крайней мере, я не замечаю ни одного движения, пока руки тени, на мгновение безвольно повисшие по бокам, не начинают с треском изгибаться и дергаться. Сначала – одна рука, потом – другая.

Кости ломаются и выворачиваются. Ноги гнутся под неестественными углами.

Каждая часть тела будто распадается на две, три, четыре части. Прямо у нас на глазах.

– Ч-черт. – В этом слове один слог, но я произношу два, что так же невозможно, как ломающиеся сами собой кости.

– Т-ты это видишь? – шепчет Селеста.

Я киваю. А может, и нет. Я хватаю ее крепче.

– Это точно... какой-то трюк. Кому-то очень хочется популярности в Сети. Это не настоящему. Такого не...

Спина тени раскрывается вдоль позвоночника, плоть расходится, наружу выступают кости. Кажется, что тень выворачивается наизнанку, превращаясь во что-то иное.

Все, что я сегодня выпила и съела, вырывается из моего желудка и оказывается на земле с таким громким звуком, что голова тени резко вскидывается и тут же откидывается назад. Трансформация продолжается: кости ломаются с яростным треском, прежде чем принять новую форму. Уши заостряются. Зубы становятся клыками. И появляется шерсть... шерсть повсюду.

– Волк, – выдыхает Селеста.

Тень превращается в волка.

Глава 4

Волк – этот монстр – невероятного размера. Он в два раза больше нас, настолько огромный, что заслоняет лунный свет. А луна сегодня полная. Нет. Нет. Что за идиотская шутка. Этого не... этого просто не... Селеста нащупывает нож в моей руке – я едва не выронила его – и крепко сжимает мои пальцы вокруг рукоятки.

– Бежим, – командует она.

– Что? – Я не могу думать, почти не дышу, ничего не чувствую. Я будто оцепенела.

Это же нереально. Не может быть реально.

– Мы напились, – говорю я. – Мы... мы слишком много выпили, и теперь нам...

– Это реально, – обрывает меня Селеста.

Я оборачиваюсь, потому что она не права. Я хочу, чтобы это было так – даже когда глубоко внутри и знаю, что она права. Волк все еще здесь. Он припадает на передние лапы, будто... будто собирается прыгнуть. Но он же не станет, так ведь? С какой стати ему нападать на нас?

– Нам нужно бежать. – Селеста так сжимает мои плечи, что ее ногти впиваются в мою кожу. В ее взгляде застыл ужас.

Волк прыгает и тяжело приземляется на гравий. Камни под его тяжестью отскакивают и разлетаются в разные стороны, словно воздушные шарики на ветру. Зверь скалится и рычит, его острые клыки белыми вспышками разрезают темноту. А глаза светятся таким глубоким оттенком красного, что кажутся почти черными.

Черт.

Нам в самом деле нужно бежать.

И только в это мгновение мой мозг наконец-то включается. Мои ноги сами несут меня прочь. Я тяну Селесту вперед, и мы бежим, спотыкаясь друг о друга, так как наши ноги не успевают за нашими мыслями.

– Давай поделимся, – торопливо бросает Селеста. – Если мы побежим в разные стороны, это... это существо не сможет догнать нас обоих...

– Нет! Я тебя не оставлю! Бежим вместе. – Неважно, что я всегда была быстрее. Что она может меня замедлить. Я не могу ее оставить.

Не понимаю, что именно происходит и почему, но тишину ночи пререзает злобное рычание, и мы со всех ног бросаемся к тротуару, шлепая сандалиями по бетону. Нам помогут. Или все окажется сном. Или... Я то утешаю себя надеждами, то холодею от страха, одно сменяет другое в моей голове за считанные секунды, пока я бегу, стараясь ускориться, и тащу Селесту за собой. Будто волоку ее тело. Мы выберемся. Найдем помощь и выживем.

Селеста теряет одну из босоножек – она спадает с ноги и отлетает назад, – спотыкается и чуть не падает.

– Черт, – шепчет она.

Ее рука становится влажной и выskalзывает из моей, но я хватаю ее за запястье и рывком поднимаю на ноги.

– Беги, – говорю я, задыхаясь. – Не останавливайся. Кто-нибудь появится. Кто-нибудь нам поможет.

Оставшись полуобутой, Селеста еще больше тормозит нас, но я заставляю и себя, и ее двигаться как можно быстрее. Вспоминаю тренировки по волейболу: каждое утро по два часа перед школой. Круги, которые я наматывала вокруг дома без остановки, пока не начинали гореть легкие и я не начинала мечтать о том, как бы все бросить и вступить в книжный клуб. Я и сейчас стараюсь думать так же. Надо бежать, и мы бежим. Останавливаться нельзя. Пробегаем мимо магазина, заправки и...

О черт. Черт. Черт.

За одной из колонок на заправке притаился еще один волк, чуть меньше того, что нас преследует. Его глаза сияют зловещим красным светом. Он сверкает зубами в темноте и бросается к нам.

Нет. Господи, нет.

– Быстрее, – командую я.

Больше никаких мыслей, только действия. Селеста тяжело дышит, всхлипывая. Я знаю, что она плачет. Я тоже плачу. Но останавливаться нам нельзя.

Что за безумный кошмар.

Второй волк догоняет нас и бежит рядом, я щелчком открываю свой складной нож. Держусь за него, будто за спасательный круг.

Селеста начинает хромать, но не сдается. И я не сдаюсь. Мы уворачиваемся от большого волка, резко выскакивая на дорогу. Я молюсь о том, чтобы кто-то проехал по улице. Кто-нибудь. Мы кричим. Молим о помощи, о пощаде. Обо всем на свете. Наши молитвы остаются без ответа.

На улицах слишком пусто и тихо. Неестественно безлюдно. Точно дурацкая шутка. Должно быть так.

А потом Селеста спотыкается – и мое сердце останавливается.

Она падает, вскрикнув от боли, а я стараюсь не оглядываться, поднимая ее на ноги. Но она не может подняться, не может стоять.

– Ванесса, – кричит Селеста. – Ванесса, я не могу...

– Можешь, – отвечаю я и чувствую вкус соли на губах. Слезы. Мои слезы.

– Не могу.

Из ее босой ступни торчит осколок стекла. Из раны струится кровь, капает на землю. Я слышу, как позади нас – слишком близко – рычит и горячо дышит зверь. Она не может бежать. Не может встать. Все кончено.

– Ты должна бежать. – Она рывком высвобождает свою руку из моей. Пряди цвета ясного неба липнут к ее щекам и глазам. Она дико смотрит на меня и, словно обезумев, старается отпихнуть меня подальше. Один раз, другой. – Беги, дуручка! Убирайся отсюда!

– Я не...

Она с такой силой толкает меня вперед, что падает на колени с пронзительным криком. Я теряю равновесие, отлетаю назад и приземляюсь на землю, а волк в этот момент снова прыгает.

И оказывается прямо перед Селестой.

Когда я в последний раз вижу ее лицо, она кричит, чтобы я вставала и бежала. Рот приоткрыт. Глаза широко раскрыты. А я... я не могу пошевелиться. В этот миг пространство поглощает время, и мне кажется, что я попала в ловушку бесконечной временной петли ада на Земле. Не успеваю сделать и вдох, как волк впивается зубами ей в шею. Кровь брызжет фонтаном и тут же превращается в бурный поток.

Кровь Селесты.

Мои пальцы сжимают холодный металл. Нет. Нет, нет.

Я сказала, что не оставлю ее одну. Я обещала.

Не могу больше ни о чем думать. Здравый смысл меня покидает, восприятие реальности искажается. Я обещала.

– Отпусти ее! – Я замахиwaюсь ножом и вонзаю его зверю между ребер, хватаясь за его шерсть, чтобы вонзить нож глубже. Волк скулит. Жалкий, тоскливый звук. Как замечательно. Я упиваюсь им. И оборачиваюсь посмотреть, торжествует ли вместе со мной Селеста.

Но ее тело обмякло, она утопает в собственной крови. Безвольная, как тряпичная кукла, в луже алого цвета. Я смотрю на нее – и замираю. Вслхлипываю.

Волк встряхивается, пытаясь сбросить меня, я летаю из стороны в сторону, будто оказалась внутри торнадо. Каждое его движение, каждый рывок оставляет на моей коже синяки, но

я не могу... не могу разжать руки. Нож чуть не выскальзывает из моей ладони, но я успеваю его подхватить и держу покрепче. Собираюсь с силами. Ради Селесты.

Я еще раз вонзаю нож в волка и проворачиваю лезвие, чтобы сделать больно. Причинить больший вред.

– Отстань! От! Нее!

Я провожу ножом вдоль его бока, волк рычит. Но мне не страшно. Теперь я совсем другая. Бояться надо меня. Теперь все в моих руках.

Я хочу убить зверя. Я должна его убить. Так я все исправлю.

Так все станет как прежде.

Но прежде чем я решаюсь, из сумрака на меня бросается второй волк, вцепляется в меня своими челюстями и... и сжимает их.

Я тут же кричу от вспышки боли.

Мои ребра трещат между зубов зверя, его клыки разрывают мой бок. Мне кажется, что я таю. Будто меня бросили в открытый огонь и я горю заживо. Вырываюсь, стараясь выцарапать ногтями глаз волка. Оторвать его челюсти от моей кожи. Больно. Мне так больно, наверное, я умираю. Я кричу снова. Еще громче. Пока не начинает болеть горло и не остается воздуха в легких. Укус ощущается как сотни иголок, как порезы бритвой, как удары кинжалом, настолько острым, что он сдирает плоть, словно кожуру с апельсина.

Кажется, что волк доволен. Он медленно разжимает челюсти и бросает меня на землю. Прямо рядом с тем, что было Селестой. Моя грудь разрывается от рыданий. Боль от укуса меркнет, уступая место тупой пульсации разбитого сердца.

То, что я вижу в море крови – кожа, кости, волосы – неподвижная бесформенная масса, – лишь отдаленно напоминает мою лучшую подругу.

Моя путеводная звезда. Взорвалась.

Моя галактика. Угасла.

Остались лишь прядки волос цвета неба. Голубой и красный, красный, красный.

Мне больше нет никакого дела до волков. Я не реагирую ни на то, что они скрываются из вида, ни на то, как вдалеке хрустят и перестраиваются их кости. Я запускаю пальцы в землю и медленно, сантиметр за кровавым сантиметром, двигаюсь к Селесте до тех пор, пока она не оказывается у меня на коленях.

Я обещала, что не оставляю ее, и я держу слово.

Глава 5

Я выживаю телефон Селесты из лужи крови и звоню своему отцу.

Ему нужно меньше пятнадцати минут, чтобы отправить к нам патрульную машину и скорую. Я не могу ждать спокойно: мне больно, я едва не теряю сознание, меня трясет. Я не отрываясь смотрю, как идет время на экране ее телефона, и на нашу с ней фотографию на заставке. Она кусает мою щеку. Я смеюсь. Мы в седьмом классе, на уроке геометрии. Ее волосы в то время еще бирюзовые, а не голубые. А у меня прямая челка, которая выглядит как неудачный арт-проект. Селеста целых четыре года отказывалась ставить на телефон новые обои: на этом фото, по ее мнению, мы обе были счастливы, как никогда.

Думаю, что сегодня вечером я была счастливее. Совсем недавно. Когда мы танцевали на пляже.

Моя грудная клетка превратилась в груды обломков, будто я корабль, потерпевший крушение во время свирепого шторма. Я даже не пытаюсь дышать сквозь боль. Просто позволяю ей – жгучей, мучительной – поглотить меня. Я истекаю кровью. Мои ребра трещат и ходят ходуном при малейшем движении. Но это не имеет значения.

Селеста мертва. И я не выпускаю ее из своих объятий.

Меньше часа назад она была рядом со мной. Смеялась, танцевала, глупо и дерзко шутила.

Ко мне подходит полицейский. Его униформа, на размер больше, чем нужно, кажется черной в темноте, а значок на груди вспыхивает золотом прямо перед моим лицом. Он – единственный, кому я могла позвонить. Единственный, кто может понять.

– О, милая... – Он опускается на колени со всхлипом и пытается обнять меня. Но я не отпускаю Селесту.

– Ванесса, дорогая, что случилось? – Голос отца дрожит, а мне его звучание кажется неприятным скрежетом.

– Я... я обещала, – все, что мне удастся выговорить, прерывисто дыша, пока он вновь и вновь пытается увести меня от нее.

Я слышу Селесту, будто она стоит рядом со мной, и почти убеждаю себя в том, что есть и другие варианты реальности – такие, где нам удалось ускользнуть от волков, или же где они вообще никогда не появлялись.

Она бы посмеялась над тем, как я ужасно выгляжу. «Иди сюда, я приведу твои волосы в порядок».

Но в порядок нужно приводить не мои волосы. А ее. Ее пряди – влажные. Запутанные. И существуют отдельно от нее.

Я сворачиваюсь калачиком, укрывая ее своим телом, какие бы мучительные ощущения в позвоночнике ни испытывала. Все мое существо кричит от боли. А мысли не останавливаются, насколько бы сломленной и разбитой я ни чувствовала себя физически.

Кому-то придется сообщить ее родителям. Кому-то придется разобрать ее шкафчик в школе. А что... что станет с ее машиной?

– Милая, ты должна встать. – Мой отец раздосадованно тянет меня за руки.

– Нет.

– Милая...

– Нет! – Мы с Селестой – одно целое. Ничто не разлучит нас. Она всегда так говорила: «Мы с тобой по сути один и тот же человек. Одна душа и один разум на двоих».

– Помогите ей подняться, – слышу я еще один – мужской – голос.

Я предполагаю, что это другой полицейский. Коллега отца. Но, посмотрев на него, я не встречаю в ответ взгляд человека мудрого и умудренного опытом. Я смотрю в золотистые глаза одного из тех богатых парней с пляжа. Черные волосы, загорелые мускулистые руки, туго обтя-

нутые черной рубашкой. У него такое высокомерное и презрительное выражение лица, что я буквально рычу на него.

– У нас нет на это времени, – продолжает этот парень резким, командным тоном. – Поднимите ее и наведите здесь порядок. Сейчас же.

Я моргаю, не понимая, что происходит. Надменный незнакомец достает из джинсов карманные часы и щелкает крышкой, недовольно поморщившись.

– Чертов бардак.

Бардак?

Его слова проникают мне под кожу и причиняют такую же боль, как и сломанные кости. Этот парень не полицейский и точно не друг. Я встаю на колени и пытаюсь найти нож в крови своей лучшей подруги.

– Это ищешь? – Он нагибается и поднимает окровавленный нож, покачивая им перед моим лицом. Я тяну руку, чтобы выхватить нож, гнев почти заглушает боль. Я рычу на него, а он хмурится.

– Не стоит еще больше усложнять ситуацию. – Его глаза впиваются в мои, разгораясь все ярче с каждой секундой. – Ты должна поехать со мной.

Да он сумасшедший. Насколько же надо быть не в себе, чтобы решить, что я куда-то с ним поеду.

– Да я лучше умру.

– Это еще можно устроить, – цедит он сквозь зубы.

Я сжимаю кулаки. Ненавижу его. Он наблюдает за мной, склонив голову набок, словно хищник, который выслеживает жертву. Это действует мне на нервы. Я не доверяю ему. Хочу, чтобы он ушел.

– Папа, где все остальные? Где другие офицеры?

Папа не отвечает. Это делает незнакомец.

– Кто-то сбил на трассе животное. Дикий кабан выбежал перед грузовиком. То еще происшествие, но всем сотрудникам при этом присутствовать необязательно.

Он словно бросает мне вызов и ждет, найду ли я что ему возразить.

– Папа.

Он кладет мне на плечо трясущуюся руку.

– Ванесса, я... Тебя... тебя укусили, милая.

– Я знаю.

Я уже должна была бы умереть, но я все еще жива. Каждый вдох отзывается острой вспышкой в груди. Единственное, что я чувствую – по-настоящему могу чувствовать – ярость. Я едва осознаю это чувство разбитым вдребезги сердцем, но оно жжет изнутри. И это больно.

– Почему...

– Никаких вопросов, – бросает парень моему отцу. – Все, что вы должны понять, – она едет со мной или не покинет это место живой.

Я оборачиваюсь. Сигнальная лента, патрульная машина отца, мигающие сине-красные огни отделяют эту часть дороги. Скорая помощь закрывает нас от посторонних глаз. Между мной и скорой – полностью тонированный внедорожник «Роллс-Ройс». Рядом с ним стоит группа людей: кого-то я уже видела на пляже, кого-то – нет. У каждого из них на шее – золотой медальон, размером с монету.

Я пытаюсь вздохнуть.

– Папа, кто?..

– Никаких вопросов, – повторяет парень отрывистым и резким тоном. Он пытается поднять меня на ноги, его горячая ладонь сжимает мое запястье, но отец отталкивает его руку дубинкой.

– Не смейте трогать мою дочь.

Парень рычит и расправляет плечи. Он сантиметров на тридцать выше моего отца. Возможно, и настолько же шире. А отец... смотрит на него снизу вверх – подбородок дрожит, из носа течет.

– Мне не нужно ваше разрешение. Если вы не принимаете мое предложение, будьте готовы принять последствия для вас и вашей семьи.

Он выхватывает у отца дубинку, и в то же мгновение она рассыпается в его руке, превращаясь в пластиковое конфетти, осыпаящее волосы Селесты. Мне хочется собрать все кусочки до единого и засунуть в рот этому несносному типу, чтобы он ими подавился. Слышу, как хрустят костяшки моих пальцев. Кожа горит. Грудь тяжело вздымается.

Но, хотя внутри и бушует пламя необузданной ярости, меня охватывает дрожь. Мой отец – ничто по сравнению с этим парнем. Что-то... что-то с ним не так. Есть в нем что-то противоестественное. Тот же отпечаток тьмы, что на звере, едва не разорвавшем меня пополам, и на том, кто убил Селесту. Я крепче прижимаю к себе ее тело, чувствуя, как напряжение стягивает позвоночник.

– Вы требуете от меня подчинения? – говорит отец, не отступая, даже когда его глаза расширяются, и он машинально вытирает нос тыльной стороной ладони. – Хорошо. Я пойду на все, лишь бы она осталась жива. Но вы не причините ей вреда. Клянись мне! Немедленно.

Парень смотрит на него не мигая. Между ними повисает тишина. Воздух вибрирует от напряжения, словно перед грозой. Мой нож по-прежнему у незнакомца: он небрежно перекидывает его из ладони в ладонь, раз за разом ловко перехватывая, – и от каждого движения исходит леденящая кровь угроза.

– Мы не причиним ей вреда, – говорит парень.

Я смеюсь над этим. Я уже пострадала. Истекаю кровью – даже там, где они не видят.

Отец поворачивает мое лицо, заставляет смотреть прямо в его зеленые глаза. Старается подбодрить меня взглядом.

– Послушай меня. Тебе нужно встать и поехать с... с этим молодым человеком.

Я отказываюсь.

– Отпусти ее, Ванесса. Она мертва, а если ты хочешь получить шанс выжить, тебе нужно уезжать отсюда.

Его голос срывается на полуслове: Селеста была для него второй дочерью, он любил ее не меньше меня. Его лицо искажает неприкрытое отчаяние.

Он разжимает мои пальцы, все еще сжимающие ее ладонь, но я с силой отталкиваю его от себя. Отец отступает назад, спотыкаясь. Почти падает. Мне все равно. Пока он, пошатываясь, пытается устоять на ногах, я скалюсь:

– Я. Обещала.

– Трансформация уже началась, – говорит парень моему отцу. Он снова смотрит на часы, хмурясь. – У нас мало времени.

Отец вглядывается в меня, его лицо бледнеет с каждой секундой. Он переводит взгляд на мою талию, на кровь, проступившую на ткани топа, который я одолжила у Селесты. Я смотрю на нее, на лицо отца и на парня, который возвышается над нами.

– Я ее не оставляю. Она заслуживает большего, чем... чем то, что происходит.

Отец плачет, мне невыносимо это слышать. Как и смотреть на его поникшие плечи, слабые и дрожащие.

– Я сам останусь с ней, – делает еще одну попытку отец.

Парень качает головой, убирая мой нож в тот же карман, из которого доставал часы.

– Наши законы запрещают это, человек.

– К черту ваши законы!

Не стоило так громко заявлять такое, отец это знает. В тот же момент группа, собравшаяся у внедорожника, стремительно перемещается в нашу сторону. Они двигаются так, будто состоят из лавы и пара. Текучей жидкости и опасности.

– Время вышло. Что вы выбираете?

Взяв себя в руки, отец разглаживает складки форменной рубашки и поправляет на груди значок:

– Помогите мне поднять ее.

Я вздрагиваю.

Они одновременно тянутся ко мне, отрывая меня от Селесты, но я сопротивляюсь. С отцом мне легко удастся справиться, а вот с парнем – нет. Его рука впивается в мое плечо так, будто он заковывает меня в оковы, и поднимает он меня так легко, словно я вешу не больше перышка.

– Это же моя подруга, – негодую я. – Отпустите!

– Ты не в себе, но это пройдет. Или же нет – и ты умрешь, – хрипло отвечает он. – С этого момента ты становишься собственностью королевы волков.

Все кажется бессмысленным: и слова, которые он произносит, и цвет его глаз. Цвет меняется, становится ярче. Его зрачки будто вспыхивают.

– Папа? – зову я. – Папа, помоги мне! Останови их!

Мой отец не двигается. Его рация оживает, кто-то из его коллег спрашивает:

– Руфус, ситуация с аварией под контролем?

Я умоляю его молча, стоя на коленях, глаза полны слез, – пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, помоги мне.

Но папа нажимает кнопку, чтобы ответить, и говорит:

– Разумеется. Как раз заканчиваю.

Парень распахивает дверь внедорожника и не задумываясь заталкивает меня внутрь.

Вот тогда я и понимаю, что совершенно одинока.

Глава 6

Дверь внедорожника закрывается с глухим стуком, машина отъезжает от места, где все случилось. Я прижимаю ладонь к боковому окну. Кровь Селесты размазывается по стеклу, искажая вид на остров. Все окрашивается в алый цвет, пока скорая помощь, патрульная машина и мой отец полностью не пропадают из виду. Селеста исчезает вместе с ними.

Слезы застилают мне глаза ядовитой пеленой, мешая мне видеть. Я крепко зажмуриваюсь, резко втягивая воздух. Чувствую, как мои ребра прогибаются – прогибаются, но не трескаются и не ломаются. Я едва сдерживаю стон. Не понимаю, что со мной происходит, но и не могу заставить себя беспокоиться об этом. Ни о боли, ни о жаре, что пожирает меня изнутри, ни о каплях пота, стекающих с моего лба. Я снова провожу ладонью по стеклу.

– Будет еще хуже, – говорит мужчина слева от меня. Звук его хриплого голоса царапает, как песок. Он одет в необычную длинную рубашку, ее серый цвет подчеркивает сияние его бледной кожи. Глаза незнакомца сверкают желтыми вспышками.

Я вздрагиваю. Возможно, я не так уж и одинока, как думала.

Я отстраняюсь от окна, едва не сталкиваясь с ним коленями. Он сидит на кожаном сиденье рядом со мной. Его осанка безупречна, лицо покрыто едва заметными, призрачными линиями морщин, словно они лишь иллюзия, наложенная на странную реальность вечной молодости. Возможно, он и старше, чем кажется, но выглядит поразительно молодо.

– Боль станет сильнее, – объясняет он, недовольно поджимая губы. – Твоя трансформация уже началась.

Он повторяет слова, которые я уже слышала от того неприятного парня, но не понимаю, что они значат.

– Трансформация?

– Превращение в оборотня, – уточняет он таким будничным тоном, будто мы обсуждаем погоду. – Оно начинается с укуса, если, конечно, ты не рожден волком. – Он поглаживает кончики своих заостренных ногтей. – Укус определяет состояние в процессе превращения. Если укус поверхностный, трансформация проявляется лихорадкой или, скажем, перепадами настроения. В конце концов, и то, и другое поглощает тебя. Голод разрушает разум, лишает всех чувств. И ты набрасываешься даже на самого близкого и родного человека, даже на отца, – многозначительно кивает он. – Но ты серьезно пострадала от укуса. А значит, сломается все то, что еще не сломано, и, вероятно, это сломает и тебя.

Я не отрываю от него глаз. Он переводит взгляд на окно, нажимает кнопку, чтобы опустить стекло, и позволяет горячему ветру взъерошить свои каштановые волосы, прежде чем снова откинуться на сиденье. Он прищуривается, в его глазах вспыхивают золотистые искры, когда он обращается ко всем остальным, кто находится в машине:

– Сегодня не было ни одной причины проявлять насилие. Наша королева больше не потерпит такого беспорядка.

Водитель, которого я вижу со спины, тут же соглашается со сказанным, но я едва слышу, что именно он говорит. В словах мужчины рядом со мной есть что-то знакомое. И эти слова глубоко меня ранят.

Беспорядок. Насилие. Трансформация.

Все начинается с укуса.

Оборотень.

Я провожу рукой по бедру и нащупываю множество отверстий в коже. Меня начинает тошнить.

– Вы с-сумасшедшие. Вы все сошли с ума.

У меня начались галлюцинации. Вся эта ночь была лишь кошмарным сном. Еще минута – и я проснусь. Селеста разбудит меня в кинотеатре, пощекотав палочкой вишневой лакрицы. Как же нам будет смешно. А потом она сядет за руль, мы поедем домой, и я больше никогда не вспомню обо всех ужасах этой ночи.

– Если ты считаешь нас ненормальными, то кем тогда, скажи на милость, ты считаешь себя?

Незнакомец смотрит на меня, его взгляд задерживается на моих ранах. Я замечаю, что у него во рту появились два клыка – длинные и острые. Такого не может быть. Не могу поверить.

Я отшатываюсь от него.

Просыпайся. Просыпайся. Просыпайся.

Но я не просыпаюсь.

Я не сплю.

Мне не хватает воздуха. Я не могу усидеть на месте, наблюдая, как эти клыки отражают красные и желтые огни светофоров. Всего этого просто не может быть. В реальной жизни такого не бывает.

И все же... я знаю, что видела сегодня. Знаю, как умерла Селеста. И что за существо набросилось на меня.

Оборотень.

Жаркий воздух помогает справиться с болью, облегчая мои страдания. Пот струится со лба, с губ и рук, пока я не начинаю буквально тонуть в нем.

– Тебя доставят в замок Севери. Для твоей же безопасности тебя оставят взаперти в одной из комнат замка, – говорит мне незнакомец. – Если тебе удастся пройти до конца путь трансформации, тебя представят королеве и даруют честь пройти Первый Обряд. Когда Оракул прочитает твое будущее, мы найдем тебе место в одной из стай на американских территориях королевы. Если же ты умрешь... что ж, полагаю, тут комментарии излишни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.